

Генрих Белль

Час ожидания

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хрантокс-Донат
Носильщик
Шофер
Кельнер
Анна
Голос Бруно

<i>HEINRICH BÖLL</i> EINE STUNDE AUFENTHALT / 1957 <i>Ein Hörspiel</i> Personen: Paul Chrantox-Donath GepäckTräger Taxi Fahrer Kellner Anne Brunos Stimme

I

Тихий закуток перед окошком камеры хранения на большом вокзале. Время от времени сюда доносится приглушенный грохот составов, перестук колес, далекий голос диктора, объявляющего о прибытии или отправлении поездов, топот пассажиров. То и дело со скрипом отодвигается и задвигается заслонка окошечка камеры хранения.

Носильщик. Так я сдаю ваши чемоданы?

Хрантокс. Подождите.

Носильщик. Еще не решили?..

Хрантокс. Нет.

Носильщик. Ваш поезд отходит в тринадцать девять, через час с небольшим. Придется ждать, никуда не денешься.

Хрантокс. Я не предполагал, что здесь будет пересадка. Я поехал бы другим поездом. Вот ведь какая неприятность!

Носильщик. Зря огорчаетесь. До Афин не меньше трех суток, а тут всего час ожидания.

Хрантокс. Да дело не в этом часе, а в этом городе.

Носильщик. А вы осмотрите его. В нашем городе есть на что посмотреть: и старинные развалины, и новые здания, и церкви, и памятники, да и люди у нас славные... Даже обидно, право слово (устало), а меня теперь нелегко обидеть.

Хрантокс. Я знаю этот город.

Носильщик. Вы здесь бывали?

Хрантокс. Жил.

Носильщик. И долго?

Хрантокс. Семнадцать лет.

Носильщик. Да что вы!

Хрантокс. Я жил здесь семнадцать лет. Вы что, мне не верите?

Носильщик. Да нет, я вам верю. Но как-то уж больно неправдоподобно. Семнадцать лет - это не шутка, а вам... (прикидывает) больше... больше сорока никак не дашь.

Хрантокс. Почти угадали - мне сорок три. А почему бы я не мог прожить тут семнадцать лет?

Носильщик. У вас вид иностранца.

Хрантокс. Я и есть иностранец.

Носильщик. Вы чисто говорите по-немецки, и даже, я бы сказал... в общем...

Хрантокс. Что в общем?

Носильщик. Я хочу сказать, что говорите вы вроде как на нашем диалекте,

но это, видно, мне только кажется.

Хрантокс. А может, и не кажется.

Носильщик. Ну так как, будете сдавать вещи или подождете на перроне?

Хрантокс. Охотнее всего я бы сел в первый попавшийся поезд, доехал до следующей станции и там бы ждал поезда на Афины.

Носильщик. У вас с нашим городом связаны такие дурные воспоминания?

Хрантокс. И дурные и хорошие.

Носильщик. Так думайте о хорошем.

Хрантокс (помолчав). Сейчас одиннадцать пятьдесят семь. Поезд в тринадцать девять. Ждать, значит, больше часа. (Чуть потеплевшим голосом.) Война здесь была?

Носильщик. Да. Двенадцать лет назад она кончилась. Последняя война. (Устало.) Они у меня все перепутались в голове.

Хрантокс. Я жил в такой дали, что знаю обо всем этом только понаслышке... бомбежки... голод... смерть... убийства... Здесь много было разрушено?

Носильщик. Дай бог... Но сейчас вы даже и следов не увидите. Вы на какой улице жили?

Хрантокс. На Софиенштрассе.

Носильщик. О, квартал богачей! Он мало пострадал. Возле Софиенпарка? Да?

Хрантокс. Парк еще существует?

Носильщик. Конечно, его даже расширили.

Хрантокс. Кафе и танцевальная площадка?..

Носильщик. Да... Может, хотите посмотреть? (Хрантокс молчит, и носильщик продолжает после небольшой паузы.) Вот уже двенадцать лет прошло, как кончилась война, а длилась она шесть лет. Вы говорите, что жили у нас семнадцать лет. Когда же это было?

Хрантокс. Я тут родился.

Носильщик. А, понятно, вы эмигрировали?

Хрантокс. Да.

Носильщик. Вы... еврей?

Хрантокс. Нет.

Носильщик. Тогда, значит... политика?

Хрантокс. Тоже нет.

Носильщик. Тогда... извините... Но почему же вы уехали?

Хрантокс. Я иногда и сам себя спрашиваю: почему? Столько всего навалилось... Может быть, из-за одной девушки.

Носильщик. Несчастливая любовь?

Хрантокс. Да нет. (Помолчав.) Вы не понимаете?

Носильщик. Нет. Раз вы родились на Софиенштрассе, значит, ваш отец был человек состоятельный...

Хрантокс. Да, мой отец был богат.

Носильщик. Многие уезжают потому, что их отцы бедны.

Хрантокс. Верно, но мой был богат.

Носильщик. Тогда я ничего не понимаю.

Хрантокс. В то время мне все казалось абсолютно ясным, но теперь я не могу в точности припомнить, почему же я все-таки уехал... Наверное, просто захотелось уехать. Во всяком случае, какая-то причина, безусловно, была. Это произошло одним летним вечером... А может, просто захотелось уехать.

Носильщик. Но вы же сказали что-то о девушке?

Хрантокс. О девушке и о деньгах... Или о деньгах я не говорил? Я ведь взял с собой деньги.

Носильщик. Много?

Хрантокс. Да нет, не очень.

Носильщик. А она?

Хрантокс. Она любила меня. А я любил ее. Мой отец был богатый человек, и ее отец тоже.

Носильщик. Так... Так...

Хрантокс. Она была очень красивая, и я тоже был не урод.

Носильщик. Так, так... И вы вдруг уехали?

Хрантокс. Вдруг... И не из-за девушки, и не из-за денег...

Носильщик. А из-за чего?

Хрантокс. Да, знаете, все как-то сошлось одно к одному. Девушка, моя мать, летний вечер... (Устало, почти раздраженно.) Какого черта вы задаете мне вопросы, а я вам отвечаю? То, что я вам рассказываю, я никому никогда не рассказывал. Сколько вам платят за час?

Носильщик. Почасовая оплата зависит от того, что надо делать. Если работа тяжелая, то больше, если легкая, то меньше.

Хрантокс. Эта - легкая?

Носильщик. Не знаю. Во всяком случае, не очень трудная и интересная.

Хрантокс. Так. (Смеется.) Сколько же вы возьмете за час?

Носильщик. Пять марок - не слишком дорого?

Хрантокс. Нет. Значит, договорились. Вы курите?

Носильщик. Курю.

Хрантокс. Возьмите. (Протягивает пачку сигарет, зажигает спичку.)

Носильщик. Какие чудные сигареты... А ничего! Америка?

Хрантокс. Да. Южная.

Носильщик. Вы там живете?

Хрантокс. Последние десять лет.

Носильщик. Неужели там не чувствовалось войны? Ни в чем?

Хрантокс. Ни в чем. Только слышал о ней. Иногда читал какие-то сводки в газете. Впрочем, мало. Голод... бомбежки... убийства... Там в одном деревенском трактире висела карта Европы, правда совсем маленькая; трактирщик втыкал в нее флажки, передвигал их, но делал это весьма приблизительно - ошибиться на двести километров было для него сущим пустяком. На этой карте точка Варшавы была рядом с точками Москвы, Праги, Вены и Будапешта. Все эти города лепились друг к дружке, но все же было наглядно видно, что война распространяется, как эпидемия. Только эпидемия эта свирепствовала далеко-далеко... Нам она была не страшна. Вот быки - это да! Это было куда важнее. Цены на рогатый скот росли, даже кукуруза стала что-то стоить. Ведь до войны на нее не было никакого спроса, да что кукуруза, и кожа и солома - все приносило доллары.

Носильщик. А теперь, когда вы наконец попали сюда, вас приводит в отчаянье один час ожидания?

Хрантокс. Охотнее всего я бы вообще проехал мимо этого города...

Носильщик. Вот вы упомянули вашу матушку и знакомую девушку. Они знали, что вы уехали навсегда?

Хрантокс. Я ни с кем об этом не говорил.

Носильщик. А вдруг они живы?

Хрантокс. Маловероятно. (Тихо.) Ведь столько людей погибло в войну, и вообще...

Носильщик (тоже тихо). Да, многие погибли и в войну, и вообще.

Хрантокс (тем же тоном). Вы... кого-нибудь потеряли?

Носильщик. Да, сына... Его убили.

Хрантокс. Пал смертью храбрых?

Носильщик. Так говорят. Я называю это иначе.

Хрантокс. Сколько ему было лет? Может, он мой ровесник?

Носильщик. Он был моложе. Теперь ему было бы сорок.

Хрантокс. Как моему младшему брату.

Носильщик. У вас были братья и сестры?

Хрантокс. Да, два брата и сестра, но...

Носильщик (тихо). Что?

Хрантокс. Но только об одном из них хотел бы я знать, жив ли он, - о Крумене, моем младшем брате. Из-за него я чуть было не остался.

Носильщик. Крумен?

Хрантокс. Да, мы его так звали. Собственно, его настоящее имя было Герибер, но оно ему не нравилось... Крумен, Крумен... Он стоял у дверей, когда я уезжал, хотел сесть со мной в машину; обычно я брал его с собой, и мы мчались по шоссе на полной скорости, а он все подзадоривал меня: жми, жми! Но в тот вечер я не взял его с собой.

Носильщик. Сколько ему было лет?

Хрантокс. Четырнадцать, а мне - семнадцать.

Носильщик. Он плакал?

Хрантокс. Нет. Я сказал ему: "Нет, Крумен, сегодня я тебя не возьму... Сегодня - нет..."

Носильщик. У вас в семнадцать лет была своя машина?

Хрантокс. Нет, это была машина моей матери. (Тихо. Напряженно.) Где-то в Арденнах я пустил ее в пропасть. Она расплющилась в лепешку, весь красный лак осыпался.

Носильщик. Девушка, деньги, машина, брат.

Хрантокс. Да, да. Но не из-за всего этого я уехал, не из-за этого.

Носильщик. А из-за чего же?

Хрантокс (со смехом). Вы спрашиваете меня, словно отец, но мой отец так не спросил бы.

Носильщик (тихо). Неужели вам не хочется узнать, кто из ваших еще жив?

Хрантокс. Только о Крумене.

Носильщик. Ваши родители были живы, когда вы ушли из дома?

Хрантокс. Матери было тогда сорок пять. Теперь ей... семьдесят один год.

Носильщик. И вы не хотели бы повидаться с матерью?

Хрантокс. Нет.

Носильщик. Опомнитесь - это же ваша мать. Давайте я сдам багаж, и вы поедете к вашей матушке.

Хрантокс. Не будем спешить. Не будем спешить.

Носильщик. А отец?

Хрантокс. Ему было бы семьдесят три.

Носильщик. Было бы, было бы! Может, он еще жив и ждет, двадцать шесть лет ждет вас!

Хрантокс. Наверно, ждет, если жив.

Носильщик. Было бы... если... Я вас просто не понимаю!

Хрантокс. Может, потом поймете. Я все забыл... Все и всех. Даже Крумена, Анну, название города. Только когда объявили, что поезд прибывает сюда, я кое-что вспомнил.

Носильщик. Вам туго пришлось там, на чужбине?

Хрантокс. Нет, легко. Я, правда, много работал, но мне неизменно сопутствовала удача. У меня почти всегда были деньги, да и сейчас есть. Мне просто везло. За что бы я ни брался, все получалось. Я ни на что не претендовал, хотел быть простым официантом или простым батраком, но стоило мне поступить в ресторан, как меня тут же сделали администратором, стоило наняться батраком, как я стал управляющим, а став управляющим, я вскоре и сам приобрел небольшую ферму. Кстати, носильщиком я тоже был, носильщиком и рассыльным, как и вы, правда только один день...

Носильщик. Вы в самом деле были носильщиком?

Хрантокс. Да, но только один день. Я обслужил только трех клиентов. Для первого я отнес на почту заказное письмо и, вернувшись в зал ожидания, вручил ему квитанцию; второму я поднес к поезду чемодан, сумку и коробку с ботинками. Третий велел мне позвонить какой-то даме, по имени Зейла, изменить голос, назваться Гарри и попросить у этой Зейлы свидания. Зейла назначила время, но на свидание я не пошел, а господин этот нанял меня в слуги, потом я стал его секретарем и даже другом, но мне и это вскоре надоело, и я ушел от него. Жили мы тогда в поместье, где все разговаривали друг с другом так, словно они выучили по какой-то книге, как люди должны друг с другом разговаривать. В то время я еще иногда вспоминал о доме.

Носильщик. Подумайте о ваших родителях. Ох, нелегко быть отцом или матерью! Ох, нелегко!..

Хрантокс. А сыном быть легче? А братом? Крумену еще не исполнилось пятнадцати, когда я ушел. Мне было семнадцать, Анне - шестнадцать. (Тихо.) Скажите, главное городское кладбище, то, что за городом, еще существует?

Носильщик. Существует.

Хрантокс. Оно все такое же, как было?

Носильщик. То есть как такое же?.. Там теперь во много раз больше покойников. Вы хотите поехать на кладбище?

Хрантокс. Да. Сдайте багаж. Мы возьмем такси.

Носильщик. Возьмем?

Хрантокс. Да. Я поехал бы вместе с вами - не хочу быть там один.

Носильщик. Но я ведь в униформе. Как же мне ехать?

Хрантокс. Послушайте, разве я вас не нанял?

Носильщик. Наняли. Значит, мне ехать с вами по долгу службы?

Хрантокс. Само собой, а как же еще? Пошли.

Носильщик. Вы настаиваете?

Хрантокс. Да, настаиваю.

Носильщик. Ладно, пошли.

Их удаляющиеся шаги заглушаются грохотом поезда, потом, когда грохот стихает, шаги снова доносятся отчетливей и вдруг затихают - Хрантокс и носильщик остановились.

II

Уличный шум. Рокот автомобильного мотора.

Носильщик. Почему вы прежде всего решили ехать на кладбище?

Хрантокс. Потому что кладбище - самое надежное справочное бюро, во всяком случае для тех, кто жил на Софиенштрассе. Там на них заведена каменная адресная книга, а визитные карточки из белого мрамора приделаны к памятникам у входа в склепы. (Шоферу.) Пожалуйста, не гоните так.

Шофер. Можно и помедленней.

Хрантокс. В самом деле много понастроили, и все-таки город мало изменился. Видите вон то здание? Я ходил туда шесть лет.

Носильщик. Это гимназия имени Гете. Мой парень тоже там учился, и был в числе лучших. Хотел стать врачом, и получился бы из него отличный врач...

Хрантокс. Он какого года рождения?

Носильщик. Семнадцатого.

Хрантокс. Крумен тоже с семнадцатого и тоже учился в гетевской гимназии. Как звали вашего сына?

Носильщик. Бруно... Бруно Планер. А как ваша фамилия?

Хрантокс. Теперь моя фамилия Хрантокс, но прежде была Донат. Нет, я никогда не слышал имени вашего сына от Крумена.

Носильщик. Донат... Софиенштрассе... Значит, ваш отец был очень богат.

Хрантокс. Да, он был очень богат. А ваш сын никогда не говорил о Крумене?

Носильщик. Нет. Он никогда не упоминал фамилии Донат. Он приводил к нам много своих друзей, но Крумен... Донат... Гериберт... Нет, этих имен он не называл. Вот мы и подъехали к кладбищу. А моего мальчика так и не похоронили, он остался лежать где-то под Ленинградом, они его бросили. А нам переслали недописанное письмо.

Голос Бруно (на это время затихают шум улицы и рокот мотора). Дорогой отец, дорогая мать. Бельдонг убит. Помните его? Такой белобрысый, небольшого росточка, которому я помогал по немецкому языку, сын лоточника с угла Вюльнергассе. Помните? Бельдонг убит. Его убили вчера. Он не пал. Почему вы позволяли, чтобы вам врал, чтобы говорили о солдатах, "павших" на войне.

Можно подумать, что солдат убивают только когда они идут в атаку, но все, кто погиб на моих глазах, были убиты лежа, ни один из них не пал здесь - ни один. Бельдонг убит, я не могу это вынести, не могу. И если я не умру тут от холода, то умру от ненависти, да, от ненависти, а может быть, от того и от другого. Я не паду, и вы... и вы...

Снова в прежнюю силу зазвучали шумы улицы и рокот автомобильного мотора.

Носильщик. Вот и кладбище.

Машина останавливается.

Хрантокс (шоферу). Подождите нас несколько минут.

Шофер. С кладбища можно выйти и через другие ворота.

Хрантокс. Понятно. Вот вам десять марок. Достаточно?

Шофер. Спасибо, вполне, я подожду.

Тишина, щебет птиц, глухой звук шагов по кладбищенской дорожке.

III

Носильщик. А как пройти, вы знаете?

Хрантокс. Да, знаю. Здесь все по-прежнему. Накануне моего бегства я был здесь. Хоронили тетю Андреа. Вот смотрите. Это склеп фон Хумов. Вот этот - Фрулкамов, а тот, в сторонке, - семейства Кромлах.

Носильщик. Ба, да тут вся Софиентрассе собралась.

Хрантокс. Вот именно. Тут они снова встречаются и развешивают на сером камне свои визитные карточки из белого мрамора. (Жестко.) Хотелось бы знать, продолжают ли они и в земле изменять друг другу, обмениваются ли и в могилах женами на уикэндах, мучают ли и там своих детей, договариваются ли между собой, чей черед давать взятку и за какую партию голосовать? Да, интересно, продолжают ли они и в земле...

Носильщик (энергично его перебивает). Не тревожьте мертвых, пусть покоятся с миром. Подумайте лучше о своих родителях.

Хрантокс. А я как раз думал о своих родителях.

Носильщик. Не нарушайте царящего здесь покоя.

Хрантокс. Помилуй бог, могу ли я нарушить покой мертвецов? Кто-нибудь протестует? (Громче.) Я спрашиваю: кто-нибудь протестует? Как будто ничего не слышно. Может, кто-нибудь все же хочет опровергнуть мои обвинения?.. Вот мы и пришли наконец.

Звук их шагов замолкает.

Носильщик. "Андреа Донат, родилась 12 апреля 1882 г., скончалась 16 июля 1931 г.". Вы бежали из дома в июле тридцать первого?

Хрантокс. Да. Валяйте дальше, прочтите все имена.

Носильщик (тихо, но отчетливо). "Гуго Донат, родился в 1786-м, скончался в 1832-м; Вернер Донат, родился в 1801-м, скончался в 1873-м. Готфрид Донат, родился в 1836-м, скончался в 1905-м, Эрих Донат, родился в 1881-м, скончался в 1943-м".

Хрантокс. Отец умер. И мать тоже.

Носильщик. "Эдит Донат, урожденная Шмиллинт, 1886-1944 гг.". Что, мне всех читать, и женщин и детей?

Хрантокс. Нет, читайте только тех, кто умер после тридцать первого года.

Носильщик. "Гериберт Донат, родился в 1917-м, пал в 1941-м под Белогоршей, унтер-офицер".

Хрантокс. Да. Крумен умер. Я сразу заметил эту надпись: "унтер-офицер Донат". Скажите, то, что он унтер-офицер, имеет какое-нибудь значение?

Носильщик. Ровным счетом никакого.

Хрантокс. Эх, я должен был взять его с собой, я же собирался взять его с собой. Из Кобленца я повернул назад и доехал до самого Бопаруса, но потом передумал. В Триесте я снова повернул и долго ехал назад, вдоль Мозеля, а потом снова передумал. Так я и не вернулся за Круменом... Унтер-офицер Донат, пал под Белогоршей... Крумен. Теперь я понимаю, почему у меня не екнуло сердце, когда мы подъезжали к этому городу... Крумена нет в живых, и город этот со всеми своими римскими, романскими, готическими и барочными памятниками старины пуст для меня... Крумена больше нет. Он тоже хотел стать врачом, врачом-миссионером. Но эта проклятая земля не могла его терпеть дольше двадцати четырех лет. (Тише.) Знаете ли вы, что значит быть богатым, богатым на протяжении полутора веков, вечно богатым? Это как цвет кожи, от которого нельзя избавиться. Знаете ли вы, что значит в тринадцать лет застать мать с чужим мужчиной?

Носильщик. Нет, не знаю. Я знаю только, что значит быть бедным, вечно бедным. А вы это знаете?

Хрантокс. Нет. Всегда хотел узнать, но так и не удалось. Случалось, я голодал, иногда мои дела шли из рук вон плохо, однако всякий раз меня выручал "цвет кожи".

Носильщик. Здесь еще есть умершие после тридцать первого года.

Хрантокс. Анна Донат?

Носильщик. Кто?

Хрантокс. Жена Крумера.

Носильщик. Как, он был женат?

Хрантокс. Ему было четырнадцать лет, когда я ушел... Так что, не видно имени Анны Донат?

Носильщик. Нет.

Хрантокс. Значит, она, видимо, жива.

Носильщик. Кто?

Хрантокс. Анна. Ну-с, какие еще здесь имена умерших после тридцать первого года?

Носильщик. "Фредерика Шмиллинг, урожденная Донат, родилась в 1914 г., скончалась в 1942 г."

Хрантокс. Ах, Фрицци, моя сестра. Ее уморил этот Шмиллинг. Она ни за что не хотела выходить за него. С детства она жила затворницей, вечно запиралась в своей комнате, не ходила ни в школу, ни в церковь, даже не обедала вместе со всеми. Она все лежала на своей кровати и думала о чем-то, чего и сама не понимала. Сестра была удивительно красива; лицо словно высечено из белого мрамора, черные волосы и глаза цвета меда. Этот мир ей не нравился, а в тот она не верила. Ела она только хлеб с маргарином и запивала жиденьким лимонадом. Единственный человек, присутствие которого она выносила, был Крумен. Он часто подолгу просиживал у нее после обеда, вечерами, а иногда даже ночью. Сидел возле кровати и держал ее за руку, она молчала, но когда он поднимался, чтобы уйти, она стискивала ему запястье, и он снова садился на стул. Мылась ли она, переодевалась ли, я не знаю. Фрицци... она никогда не плакала, никогда не смеялась, никогда не читала... Значит, они все-таки спарили ее с этим Шмиллингом. От этого она и умерла в тридцать лет!.. Кто там еще?

Носильщик. "Фредерика Донат, родилась в 1936-м, скончалась в 1944-м".

Хрантокс. Родилась после того, как я ушел, и умерла прежде, чем я вернулся. Фредерика Донат - восьми лет... Это может быть только дочурка Вернера. (Тише.) Мой брат Вернер был мне всегда чужим, мы с ним словно говорили на разных языках. Ни одного слова у нас не было общего. Мы были как два человека, случайно встретившиеся у окошечка банка, - на мгновение они удивленно взглянули друг на друга, покачали головой и разошлись. Чужой... Пойдем дальше. Семейный склеп фон дем Хюгелей вот здесь, за углом.

Носильщик. Вы не хотите помолиться за упокой души ваших близких? Не положите цветов на могилу?

Хрантокс. Цветов? Об этом надо было раньше подумать. Ну, ничего, это еще можно исправить. А вот молиться... Я надеюсь, покойники за меня молятся. Крумен и Фрицци, и маленькая Фредерика...

Носильщик. Вы великолепно распределяете места в раю. Молитесь! (И после небольшой паузы, гневно.) Молитесь, говорю вам...

Тишина, щебет птиц.

Хрантокс. Пошли. Я не подойду к этому склепу... Я сяду вот на ту тумбу, а вы мне прочитайте имена тех, кто умер после тридцать первого года.

Носильщик. Вы ушли в июле?

Хрантокс. Да. Почему вы спрашиваете?

Носильщик. "Доротeya фон дем Хюгель, урожденная Шмиллинг, родилась в марте 1890 г., скончалась в августе 1931-го".

Хрантокс. Ах, это мать Анны. Читайте дальше.

Носильщик. "Карл фон дем Хюгель, родился в 1916-м, пал под Амьеном в 1940 г., обер-лейтенант".

Хрантокс. Брат Анны, его тоже эта проклятая земля не могла терпеть дольше двадцати четырех лет. Когда я ушел в тридцать первом, ему было всего пятнадцать. Он шагал по городу под алым, как кровь, флагом и распевал песни о крови и мести. Как вы думаете, то, что он стал обер-лейтенантом, о чем-нибудь свидетельствует?

Носильщик. Ровно ни о чем.

Хрантокс. Читайте дальше.

Носильщик. "Вильгельм фон дем Хюгель, родился в 1885-м, скончался в 1942-м".

Хрантокс. Отец Анны. Дальше.

Носильщик. Все. Больше никто не умер после тридцать первого года.

Хрантокс. Она жива.

Носильщик. Вы можете ей позвонить.

Хрантокс. Да. Который час? (Небольшая пауза.) Двадцать пять минут первого. Как медленно ползет время! Сейчас мы вернемся на вокзал и посмотрим номер в телефонной книге, а заодно, может быть, и перекусим. Анна жива. Отец и мать умерли, Фрицци и Крумен тоже. А вот Вернер жив, и, может быть, Анна...

Носильщик. А больше вы ни о ком не хотите узнать?.. Однокашники, друзья, учителя?

Хрантокс. Может, и хотел бы кое о ком. Если бы вспомнил их имена, да если бы было время. Через тридцать пять минут отходит мой поезд.

Носильщик. А задержаться здесь вы не хотите?

Хрантокс. Ни в коем случае. Пошли.

Носильщик. Помолитесь. Нельзя уйти с кладбища, не помолившись за усопших.

Тишина, щебет птиц, потом шаги Хрантокса и носильщика.

Хрантокс. Шмиллинг, урожденная Фрулкам. Фрулкам, урожденная Шмиллинг. Донат, урожденная Шмиллинг, Шмиллинг, урожденная Донат, фон дем Хюгель, урожденная фон дем Хюгель. Четыре семьи, сочетающиеся на протяжении двух столетий; вступают в браки, перетасовываются.

Носильщик. Вы из-за этого уехали?

Хрантокс. И из-за этого тоже.

Носильщик. А ваша девушка?

Хрантокс. Ей теперь должно быть сорок два. После смерти Карла она, наверно, стала главой фирмы "Скобяные товары. Ковры".

Шум улицы приближается.

(Шоферу.) Так вы нас в самом деле ждете?

Шофер. А как же? На счетчике всего пять марок двадцать. Куда теперь?

Хрантокс. Назад на вокзал.

IV

Рокот мотора, шум улицы.

Носильщик. А брата вашего вы не хотите повидать?

Хрантокс. Зачем? Мы уже тогда были чужими. Неужели вы думаете, что двадцать шесть лет разлуки нас сблизили?

Носильщик. Ваш брат потерял маленькую дочку, брата, родителей, вас. Вы должны к нему пойти. Он же ваш брат.

Хрантокс. А у вас есть братья?

Носильщик. Было три. (Короткая пауза.) Вильгельма убили под Лютихом в 1914-м, Отто умер в 1942 году.

Хрантокс. От бомбежки?

Носильщик. Нет, от ангины.

Хрантокс. А третий?

Носильщик. Третий жив, но мы не понимаем друг друга. Он получил образование и стыдится меня. Настолько стыдится, что никогда не уезжает с главного вокзала из страха, что может там меня встретить. Вы это понимаете? Вы когда-нибудь стыдились кого-либо?

Хрантокс. Нет, даже знакомых богачей. Даже моей матери.

Носильщик. Матери?

Хрантокс. Она жила с другими мужчинами прямо у нас дома. С художниками. А отец, чтобы не остаться в долгу, занимался художницами.

Носильщик. Помилуйте, что вы говорите!

Хрантокс. То, что слышите; Крумен знал об этом, видел, слышал - а дома даже пахло прелюбодей-ством, вот что я говорю!

Носильщик. А вы, вы разве этим не занимались?

Хрантокс. Нет.

Носильщик. Никогда?

Хрантокс. Никогда. Даже с Зейлой, с которой мне потом довелось познакомиться. Там у меня была жена. (Шоферу.) Пожалуйста, поедem по Софиенштрассе.

Шофер. Как прикажете.

Носильщик. Вы были женаты?

Хрантокс. Да. Но я вскоре расстался с женой, откупился золотом. Она хотела (презрительно) получить свободу. Я ей вернул свободу.

Носильщик. Детей не было?

Хрантокс. Нет. Ах, вот и Софиенштрассе! В самом деле она мало изменилась. Только деревянные оконные переплеты заменили на медные. Похоже, они стали еще богаче, чем были. Поглядите-ка на решетку сада Фрулкамов. Что, эти шишечки из золота?

Носильщик. Да, из золота.

Хрантокс. А вот и наш дом, он чертовски похож на Вернера, такой же солидный, отвечает требованиям хорошего вкуса, незаметный, но богатый... Ой! Здесь живет Анна! Она жива! Жива!

Шофер. Остановиться?

Хрантокс. Нет, едем дальше.

Носильщик. С чего вы взяли, что она жива?

Хрантокс. Я это увидел по цветам на подоконниках. Она же с ума сходила по герани, но дома ей не разрешали разводить герань из-за запаха. Они считали этот запах слишком вульгарным. А вы заметили: все окна в герани...

Шофер. Теперь на вокзал?

Хрантокс. Да, на вокзал.
Носильщик. Вы действительно намерены уехать поездом тринадцать девять?
Хрантокс. Да, быть может, еще успею перекусить. А вы мне тем временем раздобудьте телефонную книгу.
Носильщик. Телефонная книга есть в буфете.
Хрантокс. Отлично.
Шофер. Вот и вокзал. Семь марок восемьдесят.
Хрантокс. Сдачи не нужно.
Шофер. Премного благодарен.
Хрантокс. До свиданья.

V

Носильщик. Вот телефонная книга.
Хрантокс. Спасибо. Вы хотите есть?
Носильщик. А вы будете?
Хрантокс. Не знаю.
Носильщик. Без четверти час. Вы действительно хотите есть?
Хрантокс. Нет, но пить хочу. Может, возьмем пива?
Носильщик. Давайте.
Хрантокс (кельнеру). Две кружки, пожалуйста. Два пива!
Кельнер. Два пива.
Хрантокс. Найдите, пожалуйста, в телефонной книге: Донат Анна, Софиенштрассе, 7.
Носильщик. Донат?
Хрантокс (с легким раздражением). Да, я полагаю, что она вышла за Крумена.
Носильщик. За вашего брата?
Хрантокс (гневно). Не задавайте вопросов, ищите.
Кельнер. Пожалуйста, два пива.
Хрантокс. Спасибо.
Носильщик (листает телефонную книгу, бормочет). Донан... Домщик... Домш... Дон-Боско-Гейм, Донат Вернер, Софиенштрассе, 9. Анны Донат нет.
Хрантокс. Посмотрите получше.
Носильщик. Я смотрю внимательно. Нету Анны Донат.
Хрантокс. Тогда посмотрите на фон дем Хюгель.
Носильщик. Смотреть на букву "х" или на "ф"?
Хрантокс (нетерпеливо). На "ф".
Носильщик (листает книгу, бормочет). Фон Аанен, фон Дерих, фон Дессен, фон дем Хюгель Анна, Софиенштрассе, 7.
Хрантокс. Профессия?
Носильщик. Не указана.
Хрантокс. Она не вышла замуж. Запишите номер телефона. (Тише.) Ей было шестнадцать, когда я ушел. Мы втроем были всегда вместе: Анна, Крумен и я. Вместе ездили на море, катались на аквапланах. Я вел моторку, а Анна и Крумен мчались на досках. Нам было весело. Мы вырезали свои инициалы на коре векового дуба: АФДХ-ПД-КД. Когда шел дождь, мы целые дни напролет носились по лесу, собирали ягоды и варили на костре суп из того, что нам удавалось выклянчить: немного крупы, картошки, иногда яйцо. Мы боялись идти домой, боялись не наказания, а того, что наши родители называли "своей свободой".
Носильщик. Может быть, вам следовало взять с собой брата и девушку?
Хрантокс. Началась война.
Носильщик. Война началась лишь в 1939 году, спустя восемь лет после того, как вы ушли из дома.
Хрантокс. О, вы точно все рассчитали. Нет. Крумен не пошел бы со мной без Анны.
Носильщик. А вы?
Хрантокс. А я бы во второй раз не ушел без Крумена. Мне казалось

правильнее уйти одному и остаться одному. Я был уверен, что найду ее в телефонной книжке под фамилией Анны Донат.

Носильщик. Ах, вот оно как!

Хрантокс. Вы поняли?

Носильщик. Не совсем.

Хрантокс. Но хоть кое-что?

Носильщик. Да.

Хрантокс. Я сам, пожалуй, понимаю не больше. Но в тот летний вечер я твердо знал, что мне надо уйти одному, и я ушел.

Носильщик. И все же вы дважды поворачивали за братом, а не за девушкой.

Хрантокс. Совершенно верно - дважды поворачивал назад, но затем снова ехал вперед. Крумен любил меня, как любят только Господа Бога. Я был для него чистым, правдивым, великим. Все, что я делал, было благо, но на самом деле он один обладал теми качествами, которыми восхищался во мне. Мне правильной было уехать, чтобы Анна осталась с ним. Теперь вы понимаете?

Носильщик. Больше, но не все. (Тише.) Так вы не хотите позвонить по телефону?

Хрантокс. Анне Донат я мог бы позвонить, может быть, даже навестил бы ее, но Анне фон дем Хюгель - нет, не могу. Мне уже не семнадцать, мне на двадцать шесть лет больше, я многое забыл, почти все. Тогда я был уверен, что лучше уйти одному, оставив их здесь. Понимаете? Я плачу вам за час по таксе тяжелой работы, чтобы вы поняли. Хороший рассылный обязан выслушивать различные признания.

Носильщик. Я понимаю все больше. Уже без четырнадцати минут час. Но вы ведь не поедете этим поездом?

Хрантокс. Почему бы мне им не поехать?

Носильщик. А что вы будете делать в Афинах?

Хрантокс. Я поселюсь в гостинице. Ненадолго. Там посмотрю. Может быть, вернусь назад в Латинскую Америку, а может быть, еще куда-нибудь. Деньги у меня есть. Мясо теперь в цене, а у меня большие стада. Мне сопутствовало счастье - я многое делал вовсе не ради денег и все же при этом изрядно зарабатывал. Я скупал у людей, покидавших страну, их тощие участки, их дома, их скот ради того, чтобы им помочь, дать им денег на дорогу, но все это потом превратилось в золото. Восемь лет спустя цены на землю подскочили, да и на дома тоже, а скот все дорожал. Мое добросердечие обернулось банкнотами, а сочувствие принесло неожиданный барыш.

Носильщик. Видно, Господь благословил ваши дела.

Хрантокс. Вы говорите - благословил. Что я, Авраам, Иаков или святой Иосиф?

Носильщик. Выпьем за здоровье... За здоровье вашей девушки. Сейчас без десяти минут час.

Хрантокс. Да, за здоровье Анны.

Носильщик. Вы сейчас позвоните по телефону, поедете к ней и узнаете, что у вас тогда не было никаких причин уйти одному.

Хрантокс. Крумен не мог бы жить без Анны.

Носильщик. А вы смогли.

Хрантокс. Да. И Крумен умер не от этого - ему было двадцать четыре. Вы записали номер телефона?

Носильщик. Да. Уже время. Если вы все-таки решили ехать этим поездом, то через четверть часа мне нужно взять чемоданы.

Хрантокс (встает, оставляет на столе деньги). Этого достаточно за пиво?

Носильщик. Вполне.

Хрантокс (на ходу). На телефонах-автоматах по-прежнему кнопки?

Носильщик. Нет. Теперь у нас прямое соединение.

Хрантокс. Хорошо, наберите номер, который вы записали, попросите к телефону фройляйн фон дем Хюгель, а когда она возьмет трубку, скажите: "Вас вызывает Нью-Йорк, минутку!" (Небольшая пауза.) Вам это не по душе? Но ведь я вас нанял.

Носильщик. Почему вы обязательно хотите проложить между вашим голосом и голосом вашей девушки столько километров?

Хрантокс. Потому что я не хочу, чтобы мне снова стало семнадцать. Из-за прожитых двадцати шести лет разделяю я наши голоса этими тысячами километров. А теперь набирайте номер. Соедините меня, потом пойдете за моими чемоданами и отнесете их на перрон. На какой, кстати?

Носильщик. На третий.

VI

В телефонной будке. Скрип наборного диска.

Анна. Фон дем Хюгель слушает.

Носильщик. Анна фон дем Хюгель?

Анна. Да.

Носильщик. Минутку. Вас вызывает Нью-Йорк.

Анна. Нью-Йорк?

Хрантокс. Анна?

Анна. Пауль?

Хрантокс. Ты узнала мой голос?

Анна. Я не знаю никого, кто бы мог мне позвонить из Нью-Йорка, кроме тебя, которого уже нет.

Хрантокс. Я еще есть.

Анна. Нет.

Короткая пауза, слышны далекие гудки локомотива, тиканье часов.

Хрантокс. Меня уже нет?

Анна. Нет. Для меня ты умер в день, когда тебе исполнилось тридцать.

Хрантокс. В 1944 году?

Анна. Да. До тех пор я еще надеялась, что ты вернешься или хотя бы напишешь. Хоть что-нибудь. Почему ты ушел?

Хрантокс. Ты не знаешь?

Анна. Знаю. Но ты был умнее нас, которых это касалось, умнее Крумена и меня.

Хрантокс. Нет, ум тут был ни при чем.

Анна. А что?

Хрантокс. Скорее...

Анна. Что? У тебя было двадцать шесть лет, чтобы это обдумать, или ты об этом не думал?

Хрантокс. Не часто, но я твердо знаю, что ум тут ни при чем.

Анна. Ревность?

Хрантокс. Пожалуй. Я думал, так будет лучше для вас.

Анна. Так не было лучше для нас. Так было для нас плохо. Был ад, потому что тебя не было. Ты должен был остаться либо взять нас с собой.

Хрантокс. Остаться? Фельдфебель Донат, лейтенант Донат, ефрейтор Донат пал, нет, убит под Витебском, под Киевом, под Севастополем или под Берлином?

Анна. Возможно. А почему бы и нет? Все равно тебя больше не существует. Ты не пал, тебя не убили, и все же тебя больше не существует. Для меня, во всяком случае.

Хрантокс. Как Вернер?

Анна. Я его почти не вижу, а когда мы видимся, то не говорим о тебе.

Хрантокс. Фрицци умерла, и твои родители, и мои, и Карл... Скажи, ты не вышла замуж за Крумена?

Анна. Нет. Мне это даже и в голову никогда не приходило. Давай кончать. Этот разговор стоит слишком дорого.

Хрантокс. У меня есть деньги. Пожалуйста, поговори еще немного с тем, кого больше нет. (Небольшая пауза.) Ты так и не вышла замуж?

Анна. Потом, после смерти Крумена и после того, как тебя не стало. Но вскоре я рассталась с мужем, он захотел получить (презрительно) свободу. Я ему ее дала.

Хрантокс. У меня тоже была жена. Она тоже захотела получить свободу. И получила. (Небольшая пауза. Тихо.) Я хотел бы тебя увидеть.

Анна. Нет.

Хрантокс. Я хотел бы тебя увидеть.

Анна. Нет. Зачем?

Хрантокс. Двадцатого июля, на следующий день после похорон тети Андреа, я лежал в траве в саду, когда ты стояла с Круменом в дверях. Двадцатого июля.

Анна. И ты все слышал? Все? Да?

Хрантокс. Да. В ту ночь я уехал.

Анна. Правда? В ту ночь?

Хрантокс. Правда.

Анна. У меня ребенок от Крумена, но это случилось уже позже, значительно позже, незадолго до того... до того, как он умер. Мальчик. Ему пятнадцать лет.

Хрантокс. Столько было Крумену, когда я ушел. Можно мне с ним повидаться?

Анна. Да, потом.

Хрантокс. А с тобой?

Анна. Нет. Зачем? Я не в силах. Я была у Крумена и в последнюю ночь, перед расстрелом.

Хрантокс. Перед расстрелом? Они его расстреляли?

Анна. Да. На плите фамильного склепа начертано "пал", но он не пал. Они расстреляли его у стога, в польской деревне, поздно вечером, впопыхах, как убийцы. (Небольшая пауза.) Там был священник, но Крумен отверг его услуги; он не хотел никакого утешения, не хотел принять причастия из его рук... Крумен был один, слышишь, один - алло, ты слушаешь?

Хрантокс (тихо). Слушаю. Почему? Почему они его расстреляли?

Анна. Он помогал пленным бежать, открывал двери теплушек, в которых везли рабов в Германию, давал им хлеб.

Хрантокс. За это его расстреляли? За то, что он давал им хлеб?

Анна. Да, и за это тоже... Я... Я всегда старалась быть где-то рядом с ним, если только это было возможно. Ты все еще хочешь меня видеть? (Пауза.) Молчишь? Ты слушаешь?

Хрантокс. Слушаю. Ты пошлешь ко мне сына Крумена?

Анна. Пошлю. Позже.

Хрантокс. Только смотри, не слишком поздно.

Анна. Сделай все, чтобы он не умер смертью Крумена. А меня - меня ты не увидишь. Меня больше нет, так же как и тебя нет. Я любила того мальчика, семнадцатилетнего, продолжала его любить, когда он убежал, прихватив машину матери и деньги отца. Мальчика, который бросил своего брата, верившего только в него. Я ждала, ждала еще и после того, как умер Крумен и у меня родился от него сын, но потом наступил момент, когда тебя не стало. Ты - ты чужой, с голосом Пауля, сорокатрехлетний человек, приехавший бог весть откуда. Фельдфебель Донат, лейтенант Донат, ефрейтор Донат, убитый под Витебском, под Киевом или под Севастополем? Нет... Но хоть письмо, хоть одно письмо в год. Ничего.

Хрантокс. Ты пошлешь ко мне мальчика?

Анна. Да. И письма Крумена, которые он тебе писал. Их много. Они все еще лежат здесь нераспечатанные, нечитанные, лежат уже пятнадцать, шестнадцать лет. Отправитель: унтер-офицер Донат, расстрелянный под Белогоршей, у стога, поздно вечером, он был один, один, слышишь, один... (Бросает трубку.)

Несколько мгновений еще звучат какие-то шумы, потом Хрантокс тоже

вешает трубку и выходит из телефонной будки; гул вокзала, шаги Хрантокса.

Носильщик. Тринадцать пять. Ваш поезд уже прибыл: Вена, Белград, Афины.
Хрантокс. Да, хорошо.

Носильщик. Вы?..

Хрантокс. Я говорил с ней долго и все узнал. Мой брат тоже не пал. Они расстреляли его вечером, у стога, он был один, слышите, один.

Носильщик (тихо). Я слышу. Один.

Хрантокс. Один. А вы... вы тоже один?

Носильщик. У меня есть жена... Мы женаты уже сорок пять лет. Думаю, не я один, а она одна: вечерами, лежа рядом со мной в постели, она плачет; я утираю ей слезы - вот и все. (Горячо.) Не садитесь на этот поезд, пусть он уедет без вас. По глупости, по недоразумению ушли вы из дому, не повторяйте этой глупости: быть может, вы через двадцать лет будете лежать рядом с ней и хоть слезы ей утирать.

Хрантокс. Я? Меня больше нет. Вы отнесли чемоданы?

Носильщик. Да, в вагон первого класса. Правильно?

Хрантокс. Правильно. Сколько я вам должен?

Носильщик. Прошло полтора часа. Как, по-вашему, работа была тяжелой?

Хрантокс. Да. Значит, семь марок пятьдесят. Потом вы пойдете на кладбище, это еще час. Всего двенадцать марок пятьдесят. Купите цветы - для Крумена, для Фрицци, для маленькой Фредерики и для Карла.

Носильщик. Какие цветы?

Хрантокс. Скорее, вот деньги, берите же, поезд уже отходит. (Шум отходящего поезда.)

Носильщик (с перрона). А родителям? Родителям? Им не надо цветов?

Хрантокс. Если хотите. Можете мне помахать на прощанье.

Носильщик (кричит вдогонку). Я буду вам махать так, словно я - ваш брат, ваша девушка, ваша сестра, ваша маленькая племянница, которую вы никогда не видели... До свиданья!

Шум уходящего поезда.

Хрантокс. Еще несколько взмахов руки, несколько едва приметных взмахов, и все.

Шум поезда усиливается.

Премьера на радио - 10.12.1957; впервые опубликована в журнале "Меркур" (1958, " 10). На русском языке первая публикация - в сборнике: Белль Г. Город привычных лиц. М., Молодая гвардия, 1964. Опубликовано также перевод Н. Оттенаи Л. Черной под названием "Пересадка" - в сборнике: Белль Г. Семь коротких историй.